

УДК 821.161

*Н.С. Рубцова, Е.Н. Васильева***«ТРИУМФ» АСИ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ РАФАЭЛЕВСКОГО СЮЖЕТА
В ПОВЕСТИ И.С. ТУРГЕНЕВА «АСЯ»**

Статья посвящена реализации сюжета фрески Рафаэля «Триумф Галатеи» в повести И.С. Тургенева «Ася». Рассматриваются композиция фрески, цветовая гамма как способ воплощения сюжета мифа об Акиде и Галатее, центральный образ Галатеи и ее роль в мифе и сюжете фрески. В соотношении с выявленными сюжетно-композиционными особенностями фрески анализируется повесть «Ася». Главным образом, героиня Тургенева сравнивается с героиней Рафаэля по принципу внешнего и внутреннего сходства. Образная структура повести в целом исследуется в связи с включенностью в нее рафаэлевского сюжета и ролевым поведением тургеневских героев.

Ключевые слова: живописный сюжет, Рафаэль, миф, Галатея, Акид, пейзаж, композиция.

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-5-819-823

В произведениях И.С. Тургенева живописные полотна явление нередкое, как, впрочем, в русской классической литературе в целом. На сегодняшний день одной из наиболее значимых тенденций в изучении проблемы экфрасиса в творчестве писателя, помимо очевидной пейзажности, является влияние портретной живописи на сюжетно-композиционную структуру художественного текста, прежде всего речь идет о портретной живописи XVIII в. (см., напр.: [1]). Однако это не отменяет влияния на Тургенева другой живописной эпохи, на наш взгляд, более значимой – Возрождения, и таких художников как Тициан, Тинторетто, Рафаэль.

Безусловно, картины, включенные в повествование, главным образом выражают симпатии и антипатии Тургенева к живописцам и их работам, однако понятие «картина» предполагает более широкое толкование. Это и произведение живописи с его композиционным, сюжетным, образным и пр. уровнями, и философское восприятие мира и человека в нем («картина мира»). Оба значения составляют суть живописного сюжета, так как во внимание принимается не только самоценность особенностей разных видов искусства (живописи и литературы), но и их взаимосвязь.

В трех повестях Тургенева («Ася», «Первая любовь» «Вешние воды»), традиционно объединенных тематически (любовные повести) и рассматриваемых как части целого, но не цикла в строгом смысле, живописный сюжет становится связующей нитью, при этом учитывается как «пейзажность», так и «портретность» в его воплощении. Данная статья посвящена первой из трех повестей.

Так, в «Асе», опубликованной в 1858 году, живописный сюжет связан с фреской Рафаэля «Триумф Галатеи», которую художник выполнил на заказ для виллы Фарнезина в Риме в 1513 году. Сюжет картины должен был стать продолжением реального «морского пейзажа»: фреска была написана для открытой лоджии виллы, находящейся на берегу реки Тибр; таким образом, фреска словно соединила земную и водную стихии.

Впервые упоминание об этой фреске в повести Тургенева встречается в конце четвертой главы. Главный герой Н. Н., уже почувствовавший влечение к Асе, вспоминает события прошедшего дня, в числе которых оказывается случайно подсмотренная сцена объяснения в любви Аси Гагину. Именно эта сцена становится катализатором в развитии чувств героя: «Я начал думать... думать об Асе. Мне пришло в голову, что Гагин в течение разговора намекнул мне на какие-то затруднения, препятствующие его возвращению в Россию... “Полно, сестра ли она его?” – произнес я громко.

Я разделся, лег и старался заснуть; но час спустя я опять сидел в постели, облокотившись локтем на подушку, и снова думал об этой “капризной девочке с натянутым смехом...”. “Она сложена, как маленькая рафаэлевская Галатея в Фарнезине, – шептал я, – да; и она ему не сестра...”» [4. С. 162].

Сюжет фрески Рафаэля восходит к древнегреческому мифу о Галатее, Акиде и циклопе Полифеме, однако Рафаэль изобразил лишь часть этого мифа: Галатея сбегает от Полифема, а вся окружающая природа (море, морские волны) способствует ее спасению.

Согласно мифу, Галатея – дочь Нерея и Дориды – nereида, олицетворяющая море. Прекрасная Галатея и сын лесного бога Пана Акид полюбили друг друга, но красотой Галатеи оказался очарован

и страшный циклоп Полифем. Не получив отклика на свои чувства от Галатеи, он в ярости отломил кусок скалы и бросил в Акида, Галатее же удалось спастись. Акид погиб, превратившись в речного бога, а Галатея палась бегством [3. С. 262].

Фреска Рафаэля символизирует спасение прекрасной nereиды, это ее победа над злом. Композиция фрески построена таким образом, что в центре внимания оказывается Галатея, мчащаяся, как в колеснице, в раковине, запряженной дельфинами. Слева изображен Полифем, который пытается ее догнать, вокруг – nereиды и купидоны, помогающие героине сбежать. Галатею не победить: с гибелью возлюбленного ее чувства не исчезают, но становятся триумфом любви.

Спасение Галатеи подчеркивается цветовой техникой: контраст синего, красного и золотого усиливает ощущение торжества любви над злом, жизни над смертью. В теории цвета есть понятие гармонии, связанное с определенным количеством цветов (двухцветная, трехцветная гармония). Три цвета – красный, синий и желтый (золотой) – расположены в цветовом круге относительно друга через равные промежутки, то есть своего рода в вершинах равностороннего треугольника, нарисованного в центре круга. При таком расположении данные цвета действительно создают композиционную гармонию (см., напр.: [2]). Так, ярко-красное одеяние на Галатее, развевающееся от встречного ветра, становится центральным цветовым пятном, выступая символом триумфа; золотой словно подчеркивает ореол вокруг Галатеи; синий обрамляет фреску на переднем и заднем планах, визуальное подчеркивание центральный – красный – компонент.

Кроме того, гармония обеспечивается композиционным построением фрески: передний и средний планы уравновешены с задним. Традиционно ощущение пространства создает задний план, предназначенный для изображения неба, если это, например, пейзаж. В свою очередь на переднем и среднем планах должны располагаться смысловые образы картины (герои, природа и пр.). Фреска Рафаэля композиционно делится на две части по горизонтали (примерно в центре), при этом границу подчеркивает как раз цветовой контраст.

Отметим еще одну особенность фрески. В эпоху Ренессанса художники в первую очередь стремились передать человеческий облик в совершенстве. Если объектом воспроизведения становился мифический или религиозный герой, то его изображали приближенным к обычному человеку. Это ни в коем случае не отменяло принцип совершенства, напротив, здесь виделся великий гуманизм Возрождения: представление о свободном человеке, идеальном физически и духовно. В этом смысле Рафаэль точно передал гармонию внешнего и внутреннего, земного и небесного. Галатея восхищает зрителя своим величием, могуществом, в то же время в ней есть нежность, легкость, присущие обычной женщине.

С целью создания легкости в фигуре Галатеи Рафаэль использовал мотив контрапоста (чтобы снять напряжение в теле при положении стоя, человек опирается на одну ногу), поэтому героиня фрески не только парит над волнами, она грациозна и женственна в своем триумфе.

Наконец, сюжетно Рафаэль сосредоточился на фрагменте мифа, но этот фрагмент является кульминационным, так как в конечном счете символизирует торжество любви, жизни.

В повести Тургенева «Ася», безусловно, есть много переключек с фреской Рафаэля, однако мы сконцентрируемся на тех особенностях, которые определили выше относительно фрески.

Прежде всего обратимся к образу («портрету») Аси, сравнив ее с Галатеей. Такой же воздушной, свободной, как Галатея, увидел Асю Н. Н. Образ Аси очень четко передает грацию Галатеи, ее силу, нежность и преданность. Молодая кипящая кровь в тургеневской героине, ее единение с природой, и, конечно, любовь – то ценное, что есть в мифологической героине и в «тургеневской девушке» Асе.

Образы Галатеи и Аси схожи и в том, что ни одна из них не смиряется в трудных жизненных обстоятельствах. Галатея, несмотря на возможность гибели, не принимает любовь Полифема. Для Аси несмирительность имеет скорее социальный характер, но отнюдь не исчерпывается им: «<...> она не походила на барышню; во всех ее движениях было что-то беспокойное: этот дичок недавно был привит, это вино еще бродило. По природе стыдливая и робкая, она досадовала на свою застенчивость и с досады насильственно старалась быть развязной и смелой» [4. С. 164]. Настроение Аси «моментально», часто меняется: то она «скачет» «как коза» («пустилась карабкаться по развалинам»), то спокойна («сидела, не шевелясь, у окна да шила в пальцах, скромно, тихо, точно она век свой ничем другим не занималась») [4. С. 158, 162]. Признание в любви Н. Н. первой также указывает на самобытный характер героини.

Бурлящая молодость Галатеи и Аси – это воплощение стихий воды и воздуха, которые в прямом смысле помогают бежать Галатее (волны, подхватившие раковину, будто сами несут ее, ветер вкупе с волнами приближает триумф) и метафорически воплощаются в Асе, подчеркивая ее стихийный характер. Таким образом, в обеих героинях соединены грациозность (в небывалой легкости, воздушности) и грандиозность (в «полноводности», силе и мощи характера). Интересно, что описания рассказчиком реки Рейн в повести соотносятся с Асей двояко: с одной стороны, «речной пейзаж» предваряет появление героини, с другой – на «речной пейзаж» проецируется чувственность и стихийность образа Аси. Последнее представляет собой прием психологического параллелизма, один из излюбленных у Тургенева. Так, духовная чистота Аси, ее внутренняя красота, легкость завораживает Н. Н., что передается описанию реки, следующему за диалогом героев: «Вид был, точно, чудесный. Рейн лежал перед нами весь серебряный, между зелеными берегами», «в одном месте он горел багряным золотом заката», «чистота и глубина неба, сияющая прозрачность воздуха», «свежий и легкий, он тихо колыхался и перекатывался волнами, словно и ему было раздольнее на высоте» [4. С. 154]. Даже оттенки красок, с помощью которых рассказчик изобразил Рейн, перекликаются с цветами фрески.

Сюжетные параллели между фреской Рафаэля и повестью Тургенева связаны с историей взаимоотношений трех героев – в мифе и повести. Если Ася является воплощением Галатеи, изображенной Рафаэлем, то следует выяснить, от кого она бежит и какие роли относительно мифа и сюжета фрески играют герои Тургенева.

На первый взгляд, Галатея, становящаяся композиционным центром фрески, – единственный очевидный объект для сравнения с главной героиней повести – Асей. Однако, зная миф о Галатее, Акиде и Полифеме, мы можем говорить, как минимум, о количественном совпадении: два мужских персонажа мифа проецируются на двух героев Тургенева – Н. Н. и Гагина.

Поскольку в центре внимания обоих произведений история любви, читатель вполне закономерно соотносит Н. Н. с Акидом, а Гагина – с Полифемом: влюбленные разлучены третьей (неизбежной, трагической) силой. Однако, как было сказано выше, Рафаэль берет лишь фрагмент сюжета, его кульминацию, чтобы воплотить идею торжества любви и жизни над злом и смертью. Другими словами, Рафаэль намеренно оставляет за рамками историю «до» и «после», вынося ее в сферу зрительской рефлексии. То же самое мы наблюдаем в повести Тургенева. Вся история в ней – только часть воспоминаний Н. Н., причем это тоже своего рода кульминация, испытание любовью, столь важное в тургеневской концепции героя. Следовательно, интересным представляется проанализировать ролевое поведение героев.

Возможно, изображенный на фреске сюжет намекает на скорый отъезд Аси и Гагина из городка З. В таком случае Ася бежит именно от Н. Н., от своей несбывшейся любви (любви, в которой героине отказано): «<...> если б вы мне сказали одно слово, одно только слово – я бы осталась» [4. С. 193]. В таком случае роль Акида должна достаться Гагину, после смерти отца ставшему единственным человеком для Аси, кому героиня могла доверять и кого искренне полюбила. На Акида-Гагина указывает и сцена, случайно подсмотренная Н. Н.: Ася, боясь своих обнаружившихся чувств к Н. Н., пытается уверить себя и Гагина, что любит лишь своего брата. В слезах героиня говорит: «Нет, я никого не хочу любить, кроме тебя, нет, нет, одного тебя я хочу любить – и навсегда» [4. С. 165]. Ася пугается своей любви, словно предчувствуя трагический финал, что Н. Н. окажется воплощением Полифема.

Заострим внимание на объяснении Гагина с Н. Н. по поводу истории Аси. Выслушав рассказ Гагина, Н. Н. задает вопрос: «Неужели Ася ни в кого не влюблялась?», на что Гагин отвечает: «Асе нужен герой, необыкновенный человек – или живописный пастух в горном ущелье» [4. С. 173]. В мифе о Галатее Полифем как раз является пастухом, который, сгорая от любви, забывает своих овец и свои пещеры. Если «своих овец и свои пещеры» понимать метафорически, Н. Н., бесцельно пребывая за границей, забывает родину (о чем, кстати, герой говорит в одном из монологов). Кроме того, в момент трагического осознания неродственной связи Гагина и Аси Н. Н. удаляется от мира людей в горы, где среди живописной, дикой природы ищет забвения.

Таким образом, роль Полифема выпадает на долю Н. Н. Ни Полифему, ни Н. Н. не хватает благодетельства: истинная любовь там, где любящий счастлив тем, что счастлив объект его любви, несмотря на наличие или отсутствие взаимности чувств. Полифем, разгневанный счастьем Акиды и Галатеи, решает уничтожить их любовь, убить влюбленных. Н. Н., подобно Полифему, «бросает скалу» в только зародившуюся любовь в Асе, тем самым жестоко отвергая ее.

Как известно, герои Тургенева должны пройти испытание любовью, чтобы подтвердить свое высокое предназначение быть героем времени. Говоря об Асе, безусловно, можно утверждать, что любовь ярче проявляет в ней самобытность, естественность, цельность натуры. Героиня готова на подвиг, готова пройти это испытание с честью. Как и Галатея, она становится невесомой, готовой улететь с первым порывом ветра. Чувства Аси и ее счастье так описываются в повести: «Так пойдемте, пойдемте... Я попрошу брата сыграть вальс... Мы вообразим, что мы летаем, что у нас выросли крылья» [4. С. 177]. После трагического объяснения в любви Ася так и поступает: уехав из города, она тем самым повторяет «Триумф Галатеи».

Натура Аси горяча, стремительна, она хочет жить сегодня, сейчас, но Н. Н. оказывается не готовым ответить взаимностью. Герой боится этой живости, бежит от Аси, от своих чувств: «Наедине с ней в той глухой, едва освещенной комнате, у меня достало силы, достало духа – оттолкнуть ее от себя, даже упрекать ее...» [4. С. 189]. Эта фраза принадлежит герою вспоминаящему, следовательно, отделенному временем от героя, поступающего разрушительно. В таком контексте испытание любовью для Н. Н. остается гипотетическим, скорее вынесенным в сферу читательской рефлексии. Если осознание, даже позднее, понимать как поступок, бесспорно, Н. Н., в свое время упустивший шанс быть счастливым, пусть поздно, но осознает это. Значит, у него есть шанс не только на раскаяние, но и на очищение (не случайно повествование напоминает исповедь или дневниковые записи). Если же опираться на точку зрения Н.Г. Чернышевского, который в своей статье «Русский человек на rendez-vous» размышляет о невозможности счастья Аси и Н.Н., очевидным будет признание принципиальной невозможности национального героя пройти столь важное испытание. Ср.: Н. Н., как многие русские молодые люди того времени, несмотря на жизненный опыт, образование, не могли принимать серьезные адекватные решения в трудных ситуациях. «Он [Н. Н.] не привык понимать ничего великого и живого, потому что слишком мелка и бездушна была его жизнь, мелки и бездушны были все отношения и дела, к которым он привык», «жизнь приучила его к бледной мелочности во всем» [5. С. 107]. Русский дворянин лишился ощущения жизни, понимания своих чувств. Поэтому Ася, свободная в своих взглядах и поведении, как Галатея, берет верх над героем. Следовательно, им с Н. Н. не по пути.

Таким образом, рафаэлевский сюжет мифа об Акиде и Галатее не столько способствует лучшему пониманию характеров тургеневских героев, что вполне очевидно, если говорить о функциональности экфрасиса, сколько становится органической частью тургеневской философии, концепции человека. Ограничивая свой сюжет в пространственно-временном отношении (ср.: фрагмент мифа), Рафаэль намеренно концентрируется на кульминации, тем самым преодолевая разрушительность и трагичность всей истории в целом и подчеркивая торжество стихии любви, жизни. Разрывая единство пространства и времени в своей повести (ср.: дневниковые записи всегда провоцируют это разрыв), Тургенев дает возможность герою *сейчас* осмыслить происходившее *тогда* и тем самым осознать ценность любви, жизни, правда, и боль утраты тоже: «Я знал других женщин, – но чувство, возбужденное во мне Асей, то жгучее, нежное, глубокое чувство, уже не повторилось» [4. С. 195]. Если испытание любовью, столь важное для Тургенева, считать кульминационным событием, то триумф Аси-Галатеи, нравственно чистой, цельной, самодостаточной, готовой на подвиг любви, не вызывает сомнений, как в таком случае не вызывает сомнений и роль разрушителя-Полифема, отведенная Н. Н., в чем видится исчерпанность сюжета рафаэлевской фрески. Однако если сделать акцент на литературном произведении, способном воспроизвести рядом разведенные во времени и пространстве события, то сюжет становится принципиально интерпретируемым, допускающим преодоление однозначного или заданного современной автору эпохой прочтения. Значит, следуя за тургеневским элегическим модусом повествования, читатель вполне может понять *позднее осознание* Н.Н. как преодоление своей разрушительности, как пройденное испытание, которое так необходимо герою времени в творчестве Тургенева.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ермакова Е.Е. Искусство... пожалуй, сильнее самой природы [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=2266195>.
2. Иттен Й. Искусство цвета [Электронный ресурс]. URL: <https://colorscheme.ru/art-of-color/concord-of-colors.html>
3. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. Т. 1. А-К / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энцикл., 1991. 671 с.
4. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 5. Повести и рассказы 1853–1857 годов. Рудин. Статьи и воспоминания 1855–1859 / И.С. Тургенев; гл. ред. М.П. Алексеев. М.: Наука, 1980. 543 с.

5. Чернышевский Н.Г. Русский человек на rendez-vous // Чернышевский Н.Г. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. Литературная критика / сост. Ю.С. Мелентьев; под общ. ред. Ю.С. Мелентьева; прим. У. Гуральника. М.: Правда, 1974. С. 44-61.

Поступила в редакцию 12.07.2019

Рубцова Наталья Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент

E-mail: izmestyevans@mail.ru

Васильева Екатерина Николаевна, магистрант

E-mail: katerinva93@mail.ru

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)

N.S. Rubtsova, E.N. Vasilyeva

**ASYA'S "TRIUMPH" AS REALIZATION OF RAPHAEL'S PLOT IN THE STORY "ASYA"
BY I.S. TURGENEV**

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-5-819-823

The article is devoted to the realization of the plot of Raphael's fresco "The Triumph of Galatea" in the story "Asya" by I.S. Turgenev. The composition of the fresco, the color scheme as a method of realization of the myth about Acis and Galatea, Galatea as the central image and her role in the myth and the plot of the fresco are considered. The story "Asya" is analyzed in relation to the revealed plot-composition features of the fresco. Turgenev's heroine is compared with Raphael's one according to the principle of external and internal similarity. The story's system of heroes is researched in connection with the inclusion of Raphael's plot to the story and the role behavior of Turgenev's heroes.

Ключевые слова: pictorial plot, Raphael, myth, Galatea, Acis, landscape, composition.

REFERENCES

1. Ermakova E.E. Iskusstvo... pozhalui, silnee samoi prirody [The art... perhaps stronger than nature itself]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=2266195>. (In Russian).
2. Itten Y. Iskusstvo tsveta [The art of color]. URL: <https://colorscheme.ru/art-of-color/concord-of-colors.html>. (In Russian).
3. Mify narodov mira. Entsiklopedia [Myths of people of the world. Encyclopedia]. V 2 t. T. 1 A-K / gl. red. S.A. Tokarev [Vols. 1-2; Vol. 1. A-K / S.A. Tokarev (Ed.)]. Moscow, Soviet Encyclopedia, 1991, 671 p. (In Russian).
4. Turgenev I.S. Polnoe sobranie sochinenii i pisem [Complete works and letters]. V 30 t. T. 5. Povesti i rasskazy 1853-1857 godov. Rudin. Stat'i i vospominaniya 1855-1859 [Vols. 1-30; Vol. 5. Novels and stories of 1853-1857. Rudin. Articles and memories of 1855-1859 / M.P. Alekseev (Ed.)]. Moscow, Nauka, 1980. 543 p. (In Russian).
5. Chernyshevskii N.G. Russkii chelovek na rendez-vous [Russian man on rendez-vous]. Sobranie sochinenii [Complete works]. V 5 t. T. 3. Literaturnaya kritika [Vols. 1-5; Vol. 3. Literary criticism / Y.S. Melent'ev (Ed.)]. Moscow, Pravda, 1974, p. 44-61. (In Russian).

Received 12.07.2019

Rubtsova N.S., Candidate of Philology, Associate Professor

E-mail: izmestyevans@mail.ru

Vasilyeva E.N., Magister

E-mail: katerinva93@mail.ru

Udmurt State University

Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034